

OlgaGrishko.ru

Солнце в гриве. Фото Ольги Гришко

Я познакомилась с фотохудожником Ольгой Гришко на открытии московской фотовыставки «Наследники Аввакума». Когда схлынула толпа приглашённых, в атриуме выставочного зала Рогожской Митрополии остались всего двое: автор-фотограф и я — дотошный созерцатель. Теперь хотелось рассмотреть каждую работу заново и надолго остановиться у понравившихся. Мне не терпелось сказать Ольге, что одна из работ — это увеличенная каменя и если её уменьшить, то вполне можно приколоть на ворот платья в виде дамской броши. С этого предположения начался наш интерес друг к другу, наш путь в личный, откровенный разговор, который почему-то называется сухим термином — интервью.

Оля, столько вопросов возникло по твоей специализации и делу, которым ты истово занимаешься, что не терпится начать расспрашивать. С чего же? Скажи, есть ли у вас в фотоиндустрии разделение на школы? Вот как существовало разделение поэтических школ Питера и Москвы, например.

Конечно есть, как в любом творческом деле, где сходятся (порой в битве) разные творческие личности. Существует, например, с первого взгляда определяемая Калужская школа художественной фотографии. И даже в ремесленной (в хорошем смысле этого слова), прикладной фотографии всегда чувствуется рука мастера или след школы. Если они были, конечно, потому что очень много самоучек в нашем деле.

Хотя, наверное, это все же больше влияние личности, самого мастера. Как, например, в Калуге был Гришаков — он и читался своей поэтичностью, живописностью фотографий. Или в Самаре был узнаваем стиль Мусорина в его учениках. В общем, с обучением фотографии все очень нетипично и, соответственно, привычные термины, подходы в этой среде могут иметь какое-то свое прочтение.

Ведь на данный момент что мы имеем? Отсутствие единой методики обучения фотографии. Ее просто нет. Каждый преподаватель пишет программу обучения (если вообще ее пишет) как умеет. Обычно — никак не умеет. Т.к. фотографию преподают в подавляющем случае два типа людей — или фотографы, или педагоги. Первым не хватает педагогических приемов, вторым — фотографических знаний. Фотографов, кстати, ожидаемо больше, чем педагогов. И им непонятно что давать в начале обучения — технику или технологию? Раньше без базовых знаний ты просто не смог бы получить читаемый кадр, нужно было понимать, как связаны между собой все параметры съемки (выдержка, диафрагма, чувствительность пленки...) А сейчас все иначе. Ты можешь «щелкать», не имея ни малейшего представления об этом. И фотопедагоги теряются, не понимают, что с этим делать. Не редки случаи, когда при близком знакомстве выяснялось, что очень интересные фотохудожники, снимающие в своей особой манере, понятия не имеют, как обращаться с техническими данными камеры. Это не хорошо и не плохо. Это есть.

Как ты думаешь, бывают нефотогеничные люди? Сложные лица? Меня вот, когда фотографировали на первый паспорт в 16 лет, никак не могли усадить ровно. В итоге фотограф художественной студии сказал: у вас нос кривой. С тем и живу.

Хм. Приведу пример из жизни. На заре своей фотографической карьеры я устроила себе испытание. Пришла в школу, где учились мои дети, и предложила сделать галерею портретов учителей. Бесплатно. Мне нужна была практика. Отсняла за один день 25 педагогов, пытаюсь каждого «раскрыть», каждому сделать портрет, который ему понравится, при этом будет именно про него. Выползла еле живая. Через месяц, вручая отпечатки портретов, от каждого учителя (от каждого! без исключений!) я слышала фразу: «Ну надо же какие все красивые! Вот только я что-то...» Понимаешь о чем я, да? Нравилась все, кроме себя.

Бывают лица, которые не всякий сможет снять. Да. Но тут в чем еще загвоздка... А чего хочет добиться снимающий? Чтобы понравилось модели? Так здесь не только в мастерстве фотографа дело, тут же психология замешана так, что порой

Фотохудожник Ольга Гришко

только специалист в этой области и может помочь. И в этом случае совершенно ни при чем форма носа.

Но я абсолютно уверена — любого человека можно снять так, что он себе понравится. И любого можно снять так, чтобы он поразился. Себе самому поразился. А уж чтобы это было эстетично, красиво и вызывало восторг... Та же фотомодель Мелани Гайдос. У нее физических особенностей столько... А как ее снимают! Как она себя подает!

А фото на паспорт — не ориентир. Все хорошо у тебя с носом. Могу доказать.

Я смотрела фильм Антониони «Фотоувеличение» в «закрытом показе» во ВГИКЕ, в зальчике с плотными тяжелыми шторами — с таким военным затемнением. В советские времена любили делать тайну из того, что было уже открыто всему миру и вскоре открывалось и в самом СССР. Так вот, во «Вспышке» — под таким названием картина шла в закрытом показе — главный герой, фотограф, перевоплощается в бомжа, чтобы снимать жизнь ночлежки. Был ли у тебя какой-либо авантюрный опыт фотосъёмки?

Настолько авантюрный лично у меня — нет, не был. Но, если честно, мне не очень интересна жизнь маргинальной части общества. Если бы понадобилось — конечно, перевоплотилась бы.

В фотографии мой авантюризм ограничивается залезанием на крыши, на колокольни храмов со сломанной рукой или командой «держите меня за ноги» и свешиванием через хлипкие перила над пропастью. Ничего опаснее не припомню.

Пару слов о позировании. Мне всегда трудно замереть, и не потому, что я порывистый человек, а скорее от того, что всякое позирование мне кажется пафосным. Все эти постановочные «чиз», «сосиска» или «сейчас вылетит птичка».

Есть позирование, а есть позёрство. И это две большие разницы. Не люблю и не умею позировать. Что здесь первично, что вторично — не знаю, да и знать не хочу, по большому счету.

Не люблю пафос, да. Вообще все поверхностное и ненастоящее. Поэтому вечно забываю «обязательные» селфи и групповые снимки в разных интересных местах, где бываю. Помню свой первый опыт в качестве студийной модели... Два часа мучений, вышла взмокшая, как мышь. После этого лет десять еще не снималась.

Но бывает необходимость в постановочных кадрах. Тот же портрет для презентаций, для выставок... И тут очень важен фотограф. Его профессионализм не в выстраивании технических параметров камеры и композиции, не в списке выученных поз, а в умении общаться с моделью и группой. Ведь когда вас фотографируют, вы — модель. Даже если при этом кандидат наук или неуклюжий подросток. Поэтому мой фотограф никогда не заикнется ни про «чиз», ни про «сосиску», это признак либо дурачества, либо любительства.

Так вот, профессионал сначала выяснит цель съемки, а потом введет вас в нужное для этой цели состояние. И вы даже не поймете, что позирование идет уже вовсю. Просто весь процесс становится органичным. И вот тут фальши нет. Нет позерства, нет пафоса. А есть вы. Возможно, что-то не очевидное в вас, скрытое от самого себя, неосознаваемое до времени. Но — вы.

На твой взгляд, можно ли говорить о фотографии как о самостоятельном виде искусства? Или это часть чего-то? Чего? И как правильно говорить: фотограф или фотохудожник?

На мой взгляд, о фотографии нужно говорить как о самостоятельном виде искусства. Это уже давным-давно так. Подавляющему большинству людей, имеющих отношение к фотографии только в контексте «селфи» или «фоточки в соц. сетях» кажется, что фотография — это что-то не серьезное. Не устану повторять, что фотографирование стало серьезным еще в конце XIX века. Что уж говорить о веке нынешнем. Просто ввиду технической доступности и легкости создания фотоизображения в наши дни создается впечатление «несложности» процесса и получения результата. Это не более чем иллюзия. Чем легче получить просто результат, тем сложнее получить что-то действительно стоящее.

С другой стороны, ввиду очевидной современной тенденции объединения всего и вся, фотография действительно стала частью чего-то еще. Например, кинематографа. Как-то подзабылось, что он основан на фотографии. Это технически — много-много-много фотографий, собранных вместе.

Мне очень нравится, что делает с фотографией французский художник JR. Он берет фотографию и буквально внедряет ее в жизнь, размещая огромные

изображения на стенах домов, на крышах вагонов, на тротуарах... Это не пере-сказать, это надо видеть. И это как раз тот случай, когда фотография вышла за рамки самой себя и стала «чем-то еще». И это «что-то еще» интересно, необычно и приносит пользу. Почему нет? Этим занимаются фотографы.

И в то же время я восхищаюсь тем, что делают ребята у нас в стране, отече-ственные мастера. Как с помощью фотографии они позволяют чувствовать, ощущать. Как они развивают этот язык. Ведь фотография — это язык общения. Посмотрите вокруг, мы начинаем говорить еще на одном языке, помимо вербаль-ного. Это визуальный язык. И на нем можно выражаться нецензурно, а можно по-булгаковски.

Так что и фотографы, и фотохудожники имеют место быть в одном времени и пространстве. Но вот занимаются они разными вещами. Раньше было поветрие — практически каждый человек с фотоаппаратом в руках позиционировал себя как фотограф. Сейчас огромное количество фотографов вдруг стали фотохудожни-ками. Ну... я разделяю эти вещи. Не каждый фотограф — художник. Даже очень хороший фотограф, создающий красивые изображения.

Как ты пришла к фотографии? Почему фотография? Если бы не фотогра-фия, то что?

Как я пришла к фотографии... Ну, не как все. В фотографию меня привели лошади.

Мы тогда жили на болотах Западной Сибири, и у меня были две лошади. Они жили на нашей даче. Требовали ухода и нестандартного отношения к себе. И если человека, который может поставить лошади укол, я нашла (он, собственно, был там один), то человека, который грамотно занимался бы лошадиными копыта-ми — нет. Там своя специфика. Поэтому мне пришлось самой все изучать, как сейчас говорят, «дистанционно». А чтобы мне могли подсказать что-то, нужны были изображения. Вот так и вошла в фотографию. Через лошадиные копыта.

Лошадей больше нет, а фотография осталась.

Что было бы, если бы не фотография? Понятия не имею. Наверняка нашла бы что-то, но не могу себе представить что именно. Есть подозрения, что педагоги-ка, но это не точно.

Расскажи о своих первых достижениях в фотографии или ещё недостигну-том, но поставленном в бизнес-план — на выбор.

Первые достижения... Ну, понятно, что мы говорим о том, что я считаю (счи-тала) достижениями, да? Наверное, когда мои снимки (не копыт) были впервые напечатаны в федеральном издании. Самая первая публикация — это журнал Nevzorov Haute Ecole. Сейчас он уже не выпускается, а тогда это было весьма при-личное издание.

Бизнес-плана нет. Я не могу жить по планам, тем более бизнес. Есть какие-то желания, это да. Из последнего — вот на Рогожской слободе, в старообрядческой

Митрополии, состоялась моя выставка про старообрядцев. Очень этого хотела и боялась одновременно. Но любопытство «как примут?» перевесило всё остальное.

Из того, что хотелось бы осуществить... Хотелось бы поехать по стране, по миру, пообщаться и снимать другие старообрядческие общины. Интересно.

А еще очень интересно фотографией передавать звуки. Чтобы вот смотрел человек на твой снимок и слышал. Я знаю, так можно, сама слышала музыку. Или запах чувствовал. Синестезию навести на зрителя, в общем.

Секретарь Союза фотохудожников России — это должность или звание?

Это метка. Зачастую черная. Шучу.

Есть любимые темы или направления в фотографии? Какие?

Направления периодами, да. Пикториализм одно время сильно держал, сейчас отпустило немного, спокойнее стала относиться. Это такое направление в фотографии, стремящееся не к фотографической точности, а к живописной интерпретации мира. Проще говоря, фотография как картина, полная противоположность документальной фотографии в ее классическом понимании.

Тем любимых нет. Мне все равно, какая тема, что автор снимает. Гораздо важнее, что он хочет сказать. Ну и как он это говорит. Какой инструментарий, какие образы для этого использует.

«Буду снимать старообрядцев» — что в этом решении было первым посылом? Как это пришло?

Ой, все началось с того, что ко мне в студию (я в маленьком городке Боровске преподаю детям фотографию) прибежала однажды девочка. Тоненькая, восторженно-настороженная, с длиннющей косой... Абсолютно влюбленная в фотографию. Оказалась из старообрядцев. Так вот потихоньку и стали знакомиться — они со мной, а я с ними.

Что дали тебе съёмки в старообрядческом храме в течение года? Что в тебе, атеисте, произошло за это время? Что-то поменялось, или профессиональное не имеет отношения к внутреннему?

Профессиональное к внутреннему не знаю, а вот внутреннее всегда имеет отношение к профессиональному, когда мы говорим о творчестве. В творческой, художественной фотографии каждый кадр — это не про то, что на нем изображено. Это про фотографа. Наверное, поэтому мы находим со старообрядцами общий язык. Внутри у нас есть что-то общее.

Снимаю я боровскую общину с 2015 года. Что поменялось за это время во мне? Да кто его знает, что поменялось. Историю страны лучше стала знать. В школе как-то не повезло мне с историей, не зацепил предмет, и церковный раскол, соответственно, прошел мимо меня. Если ты с намеком, не стала ли я верующей, то нет, не стала. Дело же не в том, как каждый из нас воспринимает вопрос веры. Дело в том, как каждый из нас живет. И не важно, ходит он при этом в храм или не ходит. Жить по-другому я не стала. Но повстречала людей искренних в своей вере, в своих убеждениях. Верных им. Это вызывает уважение.

В Бровском храме. Фото Ольги Гришко

Знаешь, мне в какой-то момент стали намекать, мол, все равно же с нами. Так, может, «оформим уже отношения»? А когда я объяснила, что внутри позыва нет, что «туризм с эмиграцией» путать не хочу, да и община точно не захочет, мне непросто согласно кивнули — мне понимающе кивнули. И вызвали еще большее уважение.

Можешь рассказать, как все начиналось — твой первый фотоаппарат и первый запомнившийся снимок?

Первый фотоаппарат — пленочный отцовский ФЭД в детстве, как у многих. Но тогда меня сама съемка мало занимала, хотелось побыстрее отщелкать и печатать. Вот где было волшебство и таинство... Смотришь в темноте, при свете красной лампы на лист бумаги, лежащий в воде, а на нем вдруг начинает проявляться что-то. И ты до последнего не знаешь, что там будет... А вся эта магия действий? Потрогать непременно руками, поводить по изображению... Одна ванночка, промыть, другая, промыть... Чувствуешь себя в какой-то сказке, честное слово.

А то, что имело отношение к процессу съемки... Это уже цифра, Nikon D50. Сначала копыта. Потом постав ног лошади. Потом... Потом укрупнение объектов пошло. Наверное, первый запомнившийся снимок не назову, как-то не отслеживаю вот эту статистику — первый, второй, третий...

Поначалу была прикладная фотография. А уж потом захотелось передать больше, чем получалось. И вот тут начинаешь копать, разбираться — почему? Почему вокруг все так красиво и радостно, а «фотография не передает». Затягивает процесс. Наверное, в таком контексте я бы выделила один из первых удачных снимков со светом, опять же, лошади. В конюшне своей сделала, очень уж красивый был свет. Лет восемь, наверное, назад.

Чем стала для тебя выставка в рамках празднования 400-летия со дня рождения священномученика Аввакума? Еще одной ступенью в профессионализме, признанием статуса, чем?

Всем вместе. А еще признанием того, что я существую. Что меня старообрядцы признали. Мой взгляд на них. Он ведь отличается от внутреннего взгляда. Это как голос наш. Мы сами слышим свой голос совсем не таким, как весь остальной мир. Так и в любом сообществе, неважно о ком идет речь — о фотографах, музыкантах, старообрядцах... Не имеет значения. Взгляд изнутри всегда иной, чем снаружи. О другом говорится, на другое падает внимание. Иные акценты, иные приоритеты. Со старообрядцами страшновато было — примут ли? О них слава как о неподатливых — «вот так должно быть и не иначе». А приняли. Это важно. Это значимо.

Поделись, какое самое трудное решение приходилось принимать в жизни? Чего оно касалось, какой сферы отношений?

Как ни смешно, но... лошади. Как будто не о фотографии говорим, право слово. Самым тяжелым решением было расставание с ними. Это отдельная история, но тяжелее решения я, пожалуй, пока не принимала.

Есть ли такой человек в твоей биографии, который однажды сказал: «Гришко, брось заниматься ерундой, бери в руки камеру и иди снимать?»

Ну... близко к этому, да. Целых два. Это муж, Вячеслав, и коллега, Гришаков Виталий, ушедший уже от нас, к сожалению. Вот они как-то так говорили, да. Бери камеру и иди снимай, «а не вот это вот всё, что ты себе вечно придумываешь». Я человек-то заводной, вижу возможность — непременно хочу ее реализовать. А их столько вокруг, этих возможностей... Вот и появляются «в анамнезе» педагогика, руководство, участие в правлении Союза фотохудожников, сообщества профессиональные...

В литературе считается самыми трудными при передаче достоверности три сцены: интим, драка и спортивный репортаж. Как у вас различаются театральный, музыкальный, спортивный и какой-то иной подвижный репортаж? Есть особенности?

В фотографии вопрос достоверности не стоит — она априори наделена аурой достоверности. Камера же снимает то, что физически происходило на самом деле. Другой вопрос — как «это самое дело» снимает фотограф? Как его преподносит? Мы живем в такое время, когда манипуляция фактами на всех уровнях достигла

Ключи в руке. Фото Ольги Гришко

неимоверных высот. И если слову еще могут не верить, то фотографии подавляющее большинство людей верят безоговорочно. Особенно если она снята в стиле «как было», без считываемого приукрашательства. А ведь мало что может быть настолько же... недоверенным, как фотография. И дело тут не в редакторах типа Photoshop, прямая фотография прекрасно умеет вводить в заблуждение. Например, на той же моей выставке по старообрядческому храму, один из самых больших отпечатков — девушка рядом с храмом. Там такое расположение рук, что все без исключения старообрядцы удивляются — мол, почему она храм благословляет? А она просто рукой махала, а в руке ключи зажаты были. И в какой-то момент красиво так махнула, тут-то я ее и сняла. Все банально и приземленно, а зрителем считывается совсем «не так, как было».

Что касается разных репортажей... Ну, принципиальных отличий для меня нет. Мы же не про технику сейчас говорим. Там, конечно, имеют значение технические возможности аппаратуры. Но и здесь все не так однозначно. У меня ученики были, которые на старенькие, допотопные «мыльнички» с низким разрешением снимали совершенно потрясающие, атмосферные кадры как раз из этой

серии, репортажной. Один кадр из съемки урока физкультуры до сих пор перед глазами стоит. Но в гляцевый спортивный журнал его не возьмут — кадр не про то, что нужно журналу. Так что... В фотографии всё зависит от цели, а не от среды.

В поэтическом и рэповом направлении одно время были исключительно любопытны и востребованы батлы. Поединки поэтов понятны. Что такое батлы у фотографов?

Ну, я все же подавляющее время провожу среди фотохудожников. А среди них батлы как-то не идут. Это, скорее, характерно для начинающего уровня или для коммерческой фотографии. Хотя последняя все увереннее сливается с художественной, все смелее использует ее инструментарий и подходы.

Те батлы, что я видела у фотографов, никакого интереса не вызвали, если честно. Подозреваю, что это связано с уровнем фотографии.

Можешь ли ты сказать человеку, интересующемуся фотографией, станет ли он фотохудожником? Вот в литературе говорят: писателями рождаются, а не становятся. Так ли у вас? Или фотографии всё-таки можно научить?

Сейчас уже смогу. Я учеников своих прошу принести десять любимых работ в самом начале. Эти снимки очень многое говорят о ребятах. Но вот станут они художниками или не станут — зависит не от меня. Только от их желания быть услышанными.

Фотографии однозначно можно и нужно учить. У кого-то этот процесс пойдет легче, у кого-то сложнее, но научить можно любого. Более того, я абсолютно уверена, что любого человека можно научить чему угодно. Единственный критерий для возможности или невозможности такого обучения — это желание самого обучающегося.

Опять же, из жизни. Мой младший сын начал заниматься игрой на фортепиано в пятнадцать лет. Такой, серьезной игрой, по 5 часов в день. А где нота «до» находится узнал в тринадцать. Считается, что для этого возраста все пути-дороги в большую музыку закрыты, слишком поздно. Так вот сейчас ему семнадцать, и он уже лауреат всероссийских и международных конкурсов пианистов, готовится к поступлению в консерваторию. И единственное, благодаря чему у него это получилось — его желание и упорство. Он, кстати, очень злится, когда говорят, мол, талантливый мальчик. Он считает, что это обесценивает его труд. И ты знаешь, я с ним согласна. Дело не в таланте, а в желании и упорстве.

Дадим немного закулисья, «фотографической кухни». Существуют ли среди фотомастеров градации по тематике? Например, портретист выше пейзажиста?

А самый высокий фотограф, которого я знаю — спортивный фоторепортер. Сергей Киврин, наверное, выше двух метров.

Где-то, как-то, кто-то имеет такие градации и даже отстаивает их ценой душевного спокойствия, своего и окружающих. Мне такой подход не близок. Для

меня есть интересные фотографии и есть скучные. И совершенно не важно, что они снимают. Но быть хорошим портретистом, безусловно, очень сложно. Мало их, хороших портретистов.

Можешь назвать самую трудную съемку в твоём портфолио? Можно ли ее считать неудачей?

Самая трудная съемка... Наверное та самая, с учителями школьными. Хотя неудачной ее назвать нельзя. Лет пять подряд, наверное, эти портреты потом украшали школьные стены. Да и школьные альбомы других фотографов тоже. Дошло до того, что в выпускном альбоме моего сына «коллега» использовал фотографии педагогов, сделанные мною тогда, и не постеснялся взять с меня за это деньги.

Добавь вопрос на свое усмотрение. О чем тебя не спросили, а так хотелось бы поделиться?

Ой, мне всегда хочется делиться достижениями детей. Фотодетей. Своих учеников, чужих — не важно. Детская фотография — это что-то потрясающее. Они иногда выдают такое... Главное, дать им возможность это выдавать, не отнимать свободу. Показать путь. А уж они на этом пути дальше сами прекрасно справляются. Вот в этом году, например, всего пятеро учеников вывели студию на 6-е место в стране. Мы вошли в десятку лучших детских фотостудий, где помимо нас большие коллективы из городов-миллионников — Москвы, Новосибирска... И сравните наш Боровск с десятью тысячами населения.

Хорошо. Несколько слов о работе с детьми и детской студии. Какой возраст участников? Что самое трудное в обучении ребенка фотографии?

Я люблю работать с подростками. Были у меня и десятилетние ученики, и двенадцатилетние, но все же ближе мне именно подростки: от четырнадцати лет.

Самое трудное — переломить стереотип учитель-ученик. В настоящей фотографии невозможно учиться на пятерки по всем правилам. Ну, нет формул, нет четких критериев что хорошо, а что плохо. У меня дети частенько возмущаются — в прошлом году учила каким-то правилам: например, снимать резко и ровно, а в этом году — с точностью до наоборот, с нерезкостью, размыто и с наклоном камеры. Где, мол, справедливость?! Но это же всё инструмент. Всего лишь инструмент.

Настоящая фотография рождается тогда, когда автор хочет что-то сказать. Он может еще и не понимать, что именно, главное — хочет. А большинству ребят даже в голову не приходит говорить что-то своё. Их натаскивают на «правильные» ответы. В результате, когда спрашиваешь их мнение, они смотрят на тебя испуганными глазенками и просто боятся говорить что бы то ни было. Вот это самое трудное — получить их доверие, раскатать на откровенность. Как только они начинают тебе доверять — начинается настоящее творчество. И это потрясающе. В первую очередь для них.

Дети в пещере. Фотостудия «Баланс»

Как, на твой взгляд, фотография может поменять подростка? Может ли дисциплинировать? Помогает найти баланс? Расскажи конкретную историю, если можно.

Фотография не может, фотография меняет. Точнее не так. Она дает подростку инструмент для разговора. Еще один, дополнительный. И, кстати, очень мощный. А уж говоря на нем, любой человек, любого возраста, начинает ощущать себя. Как личность, как целостность, как «я есть». Это архиважно. Особенно подростку.

Конкретная история? Ну, вот из последних. Девочка пришла ко мне в тринадцать лет. Шустренькая такая, любопытная. С характером, со своим мнением. То, что нужно для фотографии, в общем. Росла, ходила. Повзрослела в пятнадцать, пошли проблемы в отношениях с родителями, с учителями в школе. Я, кстати, школьным учителям поражаюсь все время. Это ж надо такую самоотдачу иметь, чтобы работать с детьми в жестких школьных рамках. Я бы не смогла.

Ну так вот, успеваемость вниз поехала, на этом фоне с родителями проблемы пошли. Родители давят, девочка сопротивляется, конфликт нарастает, позитив в жизни падает. Типично, грустно. А в студии у нее все прекрасно. Один за другим побеждает во всероссийских и международных фотоконкурсах. И так продвинулась, что помещают ее на районную доску почета.

И тут-то родители понимают, что у них выдающийся ребенок. Отношения стали налаживаться, несмотря на оценки в школе.

Но это не про дисциплину. Дисциплина — это немного про другое. У меня с дисциплиной у самой не очень хорошо, поэтому я научить ей не могу. Скучно мне с дисциплиной. А вот баланс... Тут в точку. У меня студия так и называется — «Баланс».

Слова «преподавание», «методики», «приемы и подходы» — скучные. Но дело обучения младшего поколения скучным назвать нельзя, так? Что тебе самой дает работа с ребятами?

Знания. Новые знания. Личностное развитие. Драйв в жизни. Собственно, эта работа и привела к созданию профессионального сообщества «Фотопедагоги». Сейчас мы уже международными стали, у нас коллеги из Израиля, Дании, Швеции, не говоря уже о постсоветских территориях.

А еще это вечное решение загадок. Как дать скучный материал так, чтобы не было скучно? Как развить? Как донести? Мы же что делаем, фотографии? Мы пытаемся двумерной штукой, называемой фотографией, передать объемность нашей многомерной жизни. Это в самом простом случае. А в сложном — создать свой мир. И вот научить подростков создавать свои миры, визуализировать их, донося свои ценности, свою боль до других людей — это и есть для меня, наверное, самая интересная часть жизни.

**Беседовала Галина Калинкина, специально для журнала «Этажи»
Москва-Боровск, июль 2021**